

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

Н. Черняева

КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ И ПРОБЛЕМАТИКА «МЕСТА»

(Обзор новой литературы)

Harvey, David. Justice, Nature & The Geography of Difference. N. Y.: Blackwell Publishing, 1996.

Hayden, Dolores. The Power of Place: Urban Landscapes as Public History. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1997.

Lefebvre, Henri. The Production of Space / Transl. by Donald Nicholson-Smith. Oxford: Basil Blackwell, 1991.

Lofland, Lynn. The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Territory. N. Y., 1998.

Soja, Edward. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. L., N. Y.: Verso, 1989.

Современные гуманитарные науки переживают, по мнению многих исследователей, значительный сдвиг в сфере методологии, связанный с усилением пространственно-географической компоненты. На смену прежним мыслительным матрицам, основанным на исторической парадигме (при которой любой материал располагался прежде всего по временной оси и рассматривался в историческом развитии), приходят такие способы осмысления материала, которые можно назвать географическими. Влияние «географического» мышления сказывается в философии, литературоведении, антропологии, социологии и многих других отраслях. Каждая из этих наук все более активно оперирует метафорами пространства, начиная с концепта «ситуационное знание» (*situated knowledge*), введенного в научный оборот феминистской теорией, понятия «локализованная субъективность» (*localized subjectivity*) в культурологии и культурной антропологии и заканчивая такими метадисциплинарными категориями, как глобализация, диаспора, пост- и неокolonизация и

т. п. По мнению многих исследователей, этот пространственно-географический сдвиг в методологии в немалой степени связан с бурным развитием новой дисциплины — культурной географии, чье влияние сегодня ощущается далеко за пределами собственно географических факультетов.

Последнюю иногда называют новой культурной географией (*new cultural geography*), пытаясь таким образом дифференцировать ее от традиционной географии, которая также занималась аспектами культуры и ее «распределения» по земной поверхности наряду с физическими, биологическими, экономическими и другими измерениями географического ландшафта. В отличие от традиционной, новая культурная география рассматривает пространство как социальный продукт, результат экономического и культурного производства, который при этом скрывает условия своего формирования и предстает как натуральный. Методологически новая культурная география базируется на идеях французского постструктурализма, марксизма, а также британской политэкономии; ее инструментарий во многом импортирован из социологии, культурологии (*cultural studies*) и отчасти литературоведения. В политическом смысле новая культурная география, согласно многим ее последователям, предоставляет средства для выражения и голос тем социальным субъектам, которые связаны с детерриториализацией современного пространства — со сдвигами государственных и культурных границ, с нео- и постколониальным развитием, с маргинализацией одних и возвышением других территорий.

Работы, представленные в этом обзоре, содержат ряд идей, являющихся центральными для современной культурной географии. Большинство из работ написано во второй половине 1990-х гг. — времени, когда культурная география уже обрела свой статус «законодательницы мод», создательницы влиятельного и активно используемого аналитического инструментария. Исключение составляют работа французского географа, марксиста **Анри Лефевра «Производство пространства»** (которая была впервые переведена на английский в 1991 г. в США, но написана ранее — в 1974 г. во Франции), а также вышедшая в конце 1980-х книга **Эдварда Соджси «Постмодерные географии: восстановление пространства в критической социальной теории»**. Оба автора (наряду с марксистом Дэвидом Харви) принадлежат к кругу «отцов-основателей» новой культурной географии, и обе работы — в числе наиболее цитируемых сегодня текстов не только у специалистов-географов, но прежде всего у культурологов, литературоведов, антропологов — всех, кто анализирует пространственные отношения в современном мире.

Анри Лефевр — один из тех теоретиков, которые впервые заговорили о «производстве» пространства в социальной и экономической жизни. Не отрицая наличия физического (природного) пространства, Лефевр тем не менее убежден, что непосредственное пространство нашего обитания создается и воссоздается социумом в процессе экономического и культурного функционирования. Любой исторически-конкретный способ производства, утверж-

дает Лефебр, включает в себя определенные пространственные практики — типы распределения богатств, капиталов, людских ресурсов, а также способы организации семейной и общественной жизни в пространстве города, села, территории. «Пространственные практики», скажем, феодального общества существенно отличаются от «пространственных практик» классического или позднего капитализма. Лефебр вводит также категорию репрезентации пространства, в которую он включает типы знания, знаки, коды, которые вырастают на основе «пространственных практик». Последние создаются преимущественно специалистами — архитекторами, планировщиками, учеными, художниками, т. е. профессиональными создателями кодов и знаков, однако эти же типы и способы репрезентации пространства определяют и повседневную жизнь рядового потребителя. И, наконец, завершающая часть триады, вводимой Лефебром, — это категория репрезентированного, или представленного, пространства (*representational space*), которая синтезирует первые две и характеризуется им как то самое «живое» пространство, которое мы непосредственно воспринимаем (зачастую бесп проблемно, как некую натуральную данность), но которое фактически создано (или «произведено») как через экономические практики, так и через репрезентационную, символическую работу. Производство пространства, таким образом, предстает как процесс, в котором восприятие пространства, осмысление его и непосредственное проживание (*the perceived — conceived — lived spaces*) перетекают одно в другое, образуя циклическую структуру, в которой невозможно отделить базис от надстройки, первичное пространство — от вторичного (последнее обстоятельство отличает Лефебра от классического марксизма).

Каждый новый способ производства создает новый тип пространства и, как следствие, новый пространственный код, который вырастает на обломках старого, по-своему утилизируя и преобразуя его. Так, например, при переходе от средневекового к ренессансному городу — изменение, которое маркировало разрушение старой феодальной системы и развитие раннего торгового капитализма, — возникает новый пространственный код, который «...служил для установления нового алфавита и языка города, его первичных знаков, его парадигматических и синтагматических отношений. Если сказать то же самое в менее абстрактных терминах, то это будет означать, что фасады были сгармонизированы так, чтобы создавать перспективу; входы и выходы, двери и окна были подчинены фасадам — и, следовательно, перспективе; улицы и площади были организованы в соответствии с публичными зданиями и дворцами, в которых помещались политические лидеры или институции (прежде всего — муниципальные). На всех уровнях — от частных жилищ до монументальных сооружений, от «приватных» сфер до территории как целого — элементы этого пространства были размещены и аранжированы в манере, которая была одновременно знакомой и поражающей воображение, так что даже еще в двадцатом столетии последняя не потеряла своей привлекательно-

сти. Ясно поэтому, что пространственный код — это не просто способ чтения и интерпретации пространства, это скорее способ жизни в этом пространстве и также способ производства его» [Лефебр, 47—48].

Идея «производства пространства» становится центральной в работах последователя Лефебра, американского культурного географа марксиста Эдварда Соджи. Его книга, о которой мы уже упомянули выше, говорит о необходимости реабилитации (Э. Соджа использует слово *reassertion*, которое означает «вторичное утверждение», «воцарение заново», как если бы после периода изгнания) географического мышления для современного гуманитарного знания и социальной теории. Историческая парадигма была чрезвычайно важна для XIX столетия, которое оперировало такими понятиями, как развитие, эволюция, цикличность, кризис. Современную же эпоху Соджа, вслед за Фуко, называет эпохой пространства: «мы живем в эпоху одновременности, эпоху непосредственного соседства, эпоху близкого и далекого, бок о бок, рассеивания и рассредоточивания» [Соджа, 17].

Э. Соджа анализирует особенности производства пространства в эпоху капитализма, который, согласно еще Марксовой формулировке, отличается «неравномерным» развитием, порождая неизбежный дисбаланс между экономически развитыми и отсталыми регионами. Капиталистическое производство, которое обычно развивается не иначе как спазмическими «толчками», нуждается в наличии отсталых территорий, которые создают резерв как рабочей силы, так и рынков сбыта. По мнению Соджи, капиталистическое производство надо рассматривать в географическом контексте как «неравномерно развернутую пространственность». Рыночный обмен — это ведь не только перемещение стоимости между фирмами и отраслями, но и ее географическое перемещение, т. е. процесс, при котором стоимость, произведенная в одном месте (районе), реализуется в другом, добавляя тем самым к аккумулированному богатству этого второго региона. Иными словами, капитализм создает пространственное разделение труда (*spatialized division of labor*), про которое нельзя заранее сказать, будет или не будет оно создавать дополнительные каналы эксплуатации, но в любом случае регионализация наполнена «политикой, напряжением, идеологией и властью».

Соджа показывает, каким образом «волны» неравномерного развития, характеризовавшие капитализм с самого его зарождения, оставили след в пространстве современного постиндустриального города, прослеживая эволюцию городских форм. Каждая из форм (раннекапиталистический торговый город, рыночно-индустриальный, корпоративно-монополистический город) характеризуется специфическими схемами распределения капитала, жилого и производственного секторов, богатства и бедности. Для Соджи совершенно очевидно, что конфигурация городского пространства напрямую производна от классовой композиции населения и что, иными словами, «спатилизация» (*spatiality*) есть другая форма классовой (а также этнической) сегрегации. Логика здесь следующая: в то время как прибавочная стоимость, полу-

ченная в промышленности, в глобальном масштабе уменьшается, прибавочная стоимость, полученная во вторичной циркуляции (спекуляция недвижимостью), растет. Важно отметить, что эта вторичная циркуляция в очень большой степени зависит от выстроенного, социально сконструированного пространства, т. е. от того, насколько благоприятным или неблагоприятным это пространство воспринимается населением. Но это также означает, что все больше прибыли уходит на создание «дорогого», «качественного», «безопасного» пространства в условиях городской среды, а так как «пространство — дорого» («spatialization is expensive» [Соджа, 97]), то городское пространство становится дополнительным источником классового расслоения и эксплуатации. Работа Соджи не рассматривает напрямую культурные практики, участвующие в создании капиталистической «сегрегированной пространственности», но она, безусловно, создает основания для такого анализа.

Этот анализ осуществляет Дэвид Харви в книге *«Справедливость, природа и географическое различие»*, продолжая в каком-то смысле исследование там, где остановился Соджа. Д. Харви — один из наиболее известных сегодня представителей культурной географии, автор сотни работ, включая знаменитую «Условия постмодерности», а также один из наиболее активных проповедников марксистской идеологии в западном гуманитарном знании. В отличие от Соджи, его интересуют не только масштабные изменения пространства и ландшафта в эпоху капитализма, но и отдельные локусы, географические объекты — словом, используя его собственную категорию, отдельные «места». Можно сказать, что Харви осуществляет переход с уровня *space* (пространство) на уровень *place* (место), анализируя, по сути, те же типы явлений (капиталистическое производство и воспроизводство, неравномерное развитие при капитализме, пространственная сегрегация на разных уровнях, регионализм и т. п.), что и Соджа.

В интерпретации «места» Харви активно противопоставляет себя тем теориям и подходам, которые хоть в малейшей степени грешат эссенциализмом. Его главный идеологический противник — Мартин Хайдеггер (а также вся феноменологическая традиция в трактовке места, идущая еще от римской концепции *genius loci*). Для Харви неприемлема идея Хайдеггера, согласно которой отдельные привилегированные места могут давать современному человеку незамутненное чувство «корней», «дома», а также «истины» в высшем — бытийном — смысле слова. Любые смыслы, кажущиеся аутентичными, порожаемыми самими объектами — сакральными, архитектурными, природными и т. д., — производны, утверждает Харви, от определенных социальных и экономических механизмов, а кроме того, являются результатом борьбы нескольких дискурсивных систем — борьбы, в которой победила та система, за которой стоит политическая и символическая власть.

Любое географическое «место» следует понимать, говорит Харви, как носительный момент «постоянства» в потоке непрерывно трансформирующегося пространственно-временного континуума. Перемещение людей, денег,

ресурсов, идей, капитала на какой-то момент приостанавливается, из этого потока кристаллизуется «место» — город, населенный пункт, ферма, пригородный поселок и т. п. Место может быть маркировано как определенное соотношение долготы и широты на карте, а может — как определенное имя, например: *Порто Аллегре в штате Рио Гранде, Бразилия*. Капитализм — враг «места», поскольку для успешного развития капитализму нужна постоянная реструктуризация, перемещение с одних территорий на другие. В то же самое время капитализм создает контраст между отдельными местами, порождая неравномерность и соперничество.

«Напряжение между привязкой к определенному месту и пространственной мобильностью выливается в общий кризис, когда ландшафт, приспособленный к одной определенной фазе развития (капиталистической или докапиталистической), становится барьером для последующего накопления. Географическая конфигурация пространства должна быть, следовательно, перестроена вокруг новых транспортных и коммуникационных инфраструктур, новых центров и стилей производства и потребления, новых скоплений рабочих рук и трансформированных социальных инфраструктур. ... Старые места, подобно Коули (шахтерский город в Англии, описываемый Харви во вступлении к книге. — Н. Ч.) должны быть обесценены, разрушены, и перестроены, в то время как новые места — созданы заново. Соборный город становится историческим памятником, шахтерское поселение — городом-призраком, старый индустриальный центр деиндустриализуется, города-выскочки или привилегированные поселения для состоятельных жителей разрастаются на границах развивающихся районов или из пепла прежних индустриальных поселений. История капитализма, таким образом, пронизана фазами интенсивной пространственной реорганизации» [Харви, 296].

Любое место противится реорганизации и тем более — разрушению. Как следствие, в ситуации, когда само существование города или района может быть обеспечено только наличием капитала, «места» начинают соревноваться друг с другом за инвестиции, стремясь предложить инвесторам как можно более объемистый пакет ресурсов, уже готовых инфраструктур, уже существующих социальных институтов. В этом процессе «продавания себя» культурный потенциал играет не последнюю роль. Дискурсивная и символическая активность создает места не в меньшей степени, чем экономическая, инвестируя в них «верования, желания и стремления», разделяемые сообществом, что особенно хорошо видно в той роли, которую играет в культуре и социуме понятие «дом».

Любопытен производимый Харви анализ социокультурных процессов, которые привели к созданию такого места в Нью-Йорке, как Таймс Сквер. Возникшая в чистом виде как результат спекуляции недвижимостью в центре развлекательного квартала, площадь получила название от газеты «New York Times», расположившей там свою штаб-квартиру в конце 1890-х. В целях собственного промоушена «New York Times» в начале столетия организует

празднования Нового года на площади, изобретая знаменитый теперь ритуал опускания шара, сопровождаемый фейерверками и прочими массовыми развлечениями. Довольно скоро площадь становится местом концентрации рекламных билбордов, местом, где люди едят, тусуются, разглядывают новинки моды, рекламы — иными словами, центром всего того, что является «коммерческим, кричащим, рекламным и спекулятивным» [Харви, 317]. Трудно представить себе, говорит Харви, что-нибудь более далекое от «аутентичного» Черного Леса (примера «подлинного» места, используемого Хайдеггером), чем Таймс Сквер, которую не случайно многие культурологи описывали как «псевдоместо», эрзац, чистое отсутствие. И тем не менее довольно скоро Таймс Сквер становится символическим «сердцем» Нью-Йорка, где общество выражает коллективную радость, скорбь или ликование, местом где оно ощущает свое единство и целостность. В условиях все более интенсифицировавшейся и усложнявшейся жизни нью-йоркцев начала XX в., Таймс Сквер создавала достаточно демократичное публичное пространство, в котором иммигранты мешались с аристократией, бедняки — со средним классом. Демократия Таймс Сквер была демократией денег, но последнее как раз и составляло особенность формирующегося чувства общности: «Таймс Сквер в Нью-Йорке безусловно репрезентировала общность денег, но она также стала репрезентацией довольно специфического чувства общности в умах и сердцах миллионов нью-йоркцев, которые по сей день активно противятся любым попыткам трансформировать или перестроить это место именно по причине его уникального символического наполнения и роли для коллективной памяти» [Там же, 317]. Иными словами, способность Таймс Сквер быть репрезентантом такого «воображаемого сообщества», как Нью-Йорк, неотделима от вовлеченности места в коммерческие и спекуляционные процессы; сакральность неотделима от «диснейфикации». Культурные политики, утверждает Харви, бывают вдохновителями создания мест — центров духовной жизни сообществ так же часто, как и в случае простого желания получить прибыль.

Книга архитектора, профессора урбанистики и американской истории, преподавателя Йельского университета *Долорес Хайден «Власть места»* идет на первый взгляд вразрез той линии исследования, которая была намечена Харви и Соджа. Книга Д. Хайден разрабатывает категорию «места» как носителя социальной и культурной памяти народа, этноса или сообщества. (Напомним, что сама идея того, что место может обладать «властью» или «памятью», неприемлема для Харви. Для него это образец неоправданной «фетишизации» объекта. Для Харви даже греческий Акрополь не является привилегированным носителем смысла, ибо смысл Акрополя создается на пересечении притязаний противоборствующих классовых и этнических мифов в самой Греции, а также претензий на монополию смысла со стороны западных держав, для которых Акрополь является скорее символом истоков западной цивилизации, нежели греческим феноменом.)

Хайден, однако, удается избежать фетишистской трактовки «места», так как она рассматривает места в контексте борьбы конфликтующих социальных и расовых общностей за право сохранения собственной истории. Ее материал — Лос-Анджелес, город, уникальный даже для США по числу и разнообразию сосуществующих там этнических и расовых сообществ, а также по контрасту распределения капитала между отдельными городскими районами. Знаменитый лос-анджелесский бунт 1992 г., когда в течение трех дней толпа, состоящая в основном из афроамериканцев и латиносов, громила кварталы в южной и центральной частях города, в результате чего 54 человека погибли, более 5 тысяч зданий были разрушены, а некоторые кварталы были фактически уничтожены, явился самым большим городским бунтом в Америке на протяжении всего XX в. Причины и факторы, приведшие к беспорядкам, до сих пор осмысляются историками, социологами, специалистами по расовым конфликтам. Для архитекторов же и планировщиков городского пространства бунт стал очередным примером «культурных войн», ведущихся и во многих других городах Америки, где расовые, социальные, гендерные меньшинства пытаются отстоять свое право на «место» в городской среде. Беспорядки в Лос-Анджелесе послужили еще одним доказательством того, что городская среда должна стать более расово «дружелюбной» и этнически многообразной — такой, в которой образы белой протестантской культуры не являлись бы однозначно доминирующими.

Хайден пытается доказать, что в мультикультурном и мультирасовом обществе решение о сохранении (реставрации, консервации) отдельных зданий, кварталов и вообще любых городских объектов — это всегда решение о том, чья именно версия истории и памяти окажется доминирующей. Для многих современных архитекторов вопрос о том, что сохранять из наследия прошлого, представляется довольно беспроblemным: сохранять, разумеется, нужно то, что составляет эстетическую и художественную ценность. Однако в условиях расово и классово разделенного общества выбор в пользу «памятников цивилизации и культуры» очень часто оказывается выбором в пользу доминирующего «белого протестантского населения среднего класса и аристократии». Память же и история черных и латиносов, китайцев и индийцев, пролетариата, мелких лавочников и торговцев оказывается не представленной, ушедшей на дно в «прогрессивном» изменении городского пространства. В попытке противостоять этому Хайден исследует все те примеры, когда городским сообществам удавалось достигать обратного, примеры сохранения «мест» и объектов, которые становились носителями памяти и культуры социально незащищенных слоев и групп. (Примеры включают сохранение Маленького Токио в качестве исторического квартала, служащего напоминанием о первых японских поселенцах; создание «стены памяти» на месте разрушенной усадьбы Бидди Мэйсон — лидера и «матриарха» афроамериканского сообщества в середине прошлого века и т. п.). В отличие от Харви, стремящегося к анализу диалектики экономических и дискурсивных инвестиций в любой гео-

графический объект, Хайден предпочитает говорить о символической и культурной работе, которая шла бы вразрез интересам капитала и социального большинства. Как результат, ее работа вызвала довольно много критических откликов и обвинений в «утопичности» предлагаемых решений.

Работа **Лин Лофланд «Публичная сфера: исследуя сущность городской территории»** (автор — профессор социологии и заведующая кафедрой социологии Университета Калифорнии в Дэвисе) предпринимает попытку анализа и типологии «мест» в городской среде с точки зрения их принадлежности к публичной или частной сферам. Она выделяет три типа социальных отношений (и соответственно сфер), которые могут существовать в городском пространстве: личные (в семье, среди друзей), публичные (незнакомые люди общаются как категории: продавец, покупатель, водитель такси, пассажир и т. д.) и отношения местно-локальные (она использует термин *parochial* — приходской), т. е. отношения людей, которые знакомы друг с другом, но не так близко и интимно, как в семье, а скорее функционально: это отношения коллег по работе, членов клубов по интересам, соседей и т. п.

Лофланд интересуется, как все эти типы отношений реализуются в городской географии, при этом она понимает, что каждая из этих сфер — не географическая в строгом смысле слова, а социальная. Так, территория, обозначенная как публичная (ресторан) может принять в себя чисто приватное действо (отмечание свадьбы). Такого рода вкрапления одной сферы в другую она называет «пузырями» приватного (*bubbles*) внутри царства (сферы) публичности. Возможность превращения и перекодировки территории из одного статуса в другой зависит порой от чисто количественного фактора: публичная сфера превратится в локальную (*parochial*), если в общественное место придет определенное количество людей, связанных отношениями знакомства. (Так, если во время автобусной экскурсии половину салона занял школьный класс, то автобус оказался как бы захвачен этими подростками, даже если остальные пассажиры — случайные люди с улицы. Публичное пространство превратилось в *parochial*.) Отношения к месту производны от социальных отношений и в какой-то мере закрепляют их. Лофланд выделяет три типа «мест», или локусов: памятные (фиксирующие моменты коллективной памяти, как, например, храм или публичный парк), знакомые места/пути/тропы (местный продуктовый магазинчик, бар, забегаловка, к которым ты привык); домашние территории, или места для тусовки (места, где люди живут и чувствуют себя «как дома», т. е. ощущают свободу вести себя так, как они хотят).

Центральный вопрос, который занимает Лофланд и для которого она осуществляет выше приведенную типологию, — это вопрос о корнях и причинах антиурбанизма в современном американской (и шире — западной) культуре. Современная массовая культура США пронизана анти-урбанистскими настроениями со страниц журналов, билбордов, комиксов, с экранов телевизоров поется гимн натуральности и здоровой фермерской жизни, традиционным

ценностям и т. п. По мнению Лофланд, неприятие городского образа жизни идет от того, что город — единственная форма проживания, которая создает публичную сферу (пространство). Господствующая антиурбанистическая идеология в сущности уравнивает город и публичную сферу через ряд метафор, которые применимы к обоим: метафоры загрязнения; смешивания, перемешивания разнородного. Она осуществляет подробный анализ типов репрезентации такого чисто городского феномена, как улица, демонстрируя, как в культуре XIX—XX столетий улица рассматривается как место для криминалов, маргиналов и «толпы», как место, где ты встречаешь отвратительного чужака — безумца, нищего и т. п.

Одним словом, критика урбанизма и тоска по природе очень часто оказываются формой артикуляции морально и политически консервативного сознания. Города подозреваются в политической анархии, тракуются как культурная угроза¹. Антиурбанистское сознание выливается в идеологию прайватизма (*privatism*). Современная культура и технология, утверждает Лофланд, во многом работают на изживание публичной сферы: личная машина переносит человека из одного приватного кокона в другой, все больше служащих компаний (особенно тех, кто разрабатывает *software*) работают «из дома»; Интернет-шопинг, домашний кинотеатр и идеальное качество звуковоспроизведения в домашней аппаратуре делают ненужными многие публичные сферы. Более того, современная архитектура и те формы, которые она создает, также работают либо на изживание публичной сферы, либо на ее «санацию». Сегодняшняя архитектура создает такие публичные пространства, которые контролируют публичную сферу (делая ее не-публичной, гомогенной, «чистой» и предсказуемой). Она называет такие пространства контрлокусами (*counter-locale*), среди которых пространства типичного торгового центра (*shopping mall*), тематического парка, Диснейленда. Последние создают такие публичные пространства, из которых вытрясена вся публичность, так как они по определению не «открыты для публики». Такое пространство обычно втихую приватизировано, контролируется теленаблюдением, рассекает публику физически и символически (например, если сквер спрятан вглубину квартала и отсечен от улицы мощным офисным зданием, то использовать этот сквер будут только сотрудники офисов). Рассуждая о тотальной на сегодняшний день диснейлендизации Америки, Лофланд предлагает не забывать о значимости публичной сферы, которая «производит эмансипацию от пред-

---

¹ Последнее предположение в какой-то мере справедливо: в президентских выборах 2004 г. наиболее высокий процент голосования за кандидата от демократической партии Джона Керри был продемонстрирован именно в обеих столицах: в Нью-Йорке 75 % населения голосовало за Керри, а в Вашингтоне — 90 %. Среди рефлексий по этому поводу, опубликованных в «New York Times», одна звучала так: журналистка, автор статьи, признавалась, что город, в котором она живет, так решительно отличается от остальной Америки, как если бы это была другая страна.

писанного статуса и заданной идентичности» [Лофланд, 214], позволяет осуществиться коммуникации между разнородными индивидами и группами, создает, наконец, такой положительный феномен, как космополитизм.

Категория «места» в современной культурной географии стала, таким образом, той категорией, через которую осмысляются наиболее важные теоретические проблемы дисциплины — проблемы соотношения экономического и дискурсивного в производстве пространства, «аутентичности» и «репрезентирования», механизмов и факторов смыслообразования в сфере географии и ландшафта и др. В не меньшей степени категория «места» создает инструмент политического анализа сегодняшних экономических и культурных территорий, позволяя анализировать, чьи именно интересы, системы репрезентации, чья память и чье культурное наследие оказываются воплощенными в отдельных местах культурного ландшафта, будь то город, район, отдельно взятое здание или архитектурный памятник.

М. В. Соколовская

Рец. на кн.: BioMediale. Современное общество и геномная культура: [Антология] / Сост. и общ. ред. Дм. Булатова. — Калининград: КФ ГЦСИ, ФГУИПП «Янтарный сказ», 2004. — 500 с., илл.

Антология «BioMediale. Современное общество и геномная культура» впервые столь разнообразно представляет на русском языке дискуссионные философские, юридические, этические и эстетические идеи и художественные практики, осмысляющие те изменения в окружающем мире и мировоззрении людей, которые происходят в связи с последними исследованиями в области генетики, развитием биотехнологий, а также нанотехнологий и компьютерного моделирования жизни. Двухязычная, иллюстрированная, снабженная глоссарием антология суммирует опыт гуманитарной и художественной мысли в отношении опыта биотехнологий и биополитики. Исследователем и художником из Калининграда Дмитрием Булатовым, редактором и составителем антологии, книга в целом мыслится как манифестация принципов «третьего модерна», новой культурной эпохи с новыми идеалами мироустройства, искусства и культурными героями.

В чем важность данной книги? Во-первых, ее авторы в своем большинстве испытывают биотехнологии как инструмент художественной деятельности, тем самым утверждая пути и контексты для общественных дискуссий о биотехнологиях в рамках художественной активности. Во-вторых, под одной обложкой собраны тексты как ученых, популяризаторов науки, юристов, философов, так и теоретиков культуры и современного искусства и художников. Это придает междисциплинарный характер обсуждению новых принципов устройства жизни и представлений о человеке, природе, науке, искусстве, ответственности, ре-